

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-83-95
EDN: OMJZEM

ГЕНЕЗИС БЕДНОСТИ В МОНГОЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бредихин А. В.^{1,2*}, Аржаев Ф. И.³, Селезнев И. А.⁴, Мехдиев Э. Т.³

¹Институт Китая и современной Азии РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

³Финансовый университет при Правительстве РФ
(125468, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

⁴ИСПИ ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, улица Фотиевой, 6, корп. 1)

*E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования:

Бредихин А. В., Аржаев Ф. И., Селезнев И. А., Мехдиев Э. Т. Генезис бедности в Монголии на современном этапе: экономико-географический анализ // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 83-95. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-83-95; EDN: OMJZEM

Аннотация. В рамках исследования ставится цель — выявить причины сохранения бедности в Монголии и её географического распространения. В процессе исследования авторами выделены три группы факторов, влияющих на устойчивость бедности — природно-климатические, геоэкономические и социально-экономические. По каждой группе факторов в процессе исследования получены результаты, обосновывающие сохранение бедности. Так, показано, что Монголия находится в «географическом тупике»: находится далеко от побережья Мирового океана, её территория зажата между двумя странами — Российской Федерацией (РФ) и Китайской Народной Республикой (КНР), которые обладают значительно большими политическим, социально-экономическим, природно-ресурсным и другими потенциалами. Природные и климатические особенности территории Монголии обуславливают специфику сельского хозяйства (почти исключительно пастбищное животноводство из-за отсутствия условий для ведения растениеводства на большей части территории страны) и, соответственно, ведение сельским населением преимущественно кочевого образа жизни, что, в свою очередь, объясняет распределение бедности по аймакам (регионам Монголии): в аймаках с преимущественно городским населением или с наличием развитой горнодобывающей промышленности (Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт и другие) уровень бедности населения значительно ниже, чем по стране в целом. Торговое и экономическое сотрудничество Монголии с РФ и КНР влияет на экономику Монголии, стимулирует её развитие, но мало связано с динамикой бедности населения, почти не влияет на социальное развитие страны. Ключевые экономические проблемы объясняют слабую связь развития экономики и бедности, то есть социально-культурные факторы наиболее значимы для сохранения бедности населения.

Ключевые слова: бедность, Монголия, причины бедности, природно-климатические условия, геоэкономические факторы, социально-экономическое развитие.

© Бредихин А. В., Аржаев Ф. И., Селезнев И. А., Мехдиев Э. Т., 2025

Введение

В современных условиях проблематика бедности стоит остро во многих странах мира, несмотря на смещение внимания к неравенству. Монголия в этом контексте остаётся слабо изученной как в силу небольшого населения и невысокой его значимости в достижении глобальной Цели устойчивого развития ООН № 1 (ЦУР-1), так и в силу того, что страна имеет собственную специфику, не согласующуюся в полной мере с современными подходами к бедности. С учётом того, что страна — сосед России и один из важных партнёров, выявление причин сохранения бедности в Монголии и возможных шагов по её преодолению — актуальная и значимая проблема.

Объект исследования — социально-экономическая система Монголии, предметом исследования является специфика монгольской бедности. В рамках исследования ставится цель — выявить причины сохранения бедности населения в Монголии и её географического распространения. Для достижения цели решаются задачи: оценивается динамика бедности и темпов экономического развития, а также их взаимосвязь, выявляется специфика природно-географических факторов, проверяется наличие влияния экономического сотрудничества с РФ и КНР на бедность населения Монголии.

К ключевым результатам исследования можно отнести доказательство несостоятельности современных подходов к противодействию бедности для кочевого населения; обоснование географического и климатического фактора как основных в сохранении бедности в Монголии; доказательство высокого влияния РФ и КНР на динамику монгольской экономики, но фактическое отсутствие такового на уровень бедности. Отметим скудность официальных статистических данных, в силу чего приходится адаптировать их под современные условия и верифицировать несколькими источниками.

Обзор литературы

Вопросы бедности в Монголии в основном изучались в контексте достижения ЦУРов ООН в связке с вопросами экономического роста, но почти никогда — как самостоятельная тема. Так в работе [1] вопрос бедности в Монголии отсылает к социалистическому прошлому страны. Фактически, автор повторяет нарратив Всемирного банка — для борьбы с бедностью необходим доступ к образованию, общественным благам, социальная защита, гендерное равенство, чего социалистическая Монголия не могла добиться. Полностью упускается из виду как специфика экономического развития страны на различных этапах, так и образ жизни населения. В более современном исследовании [2], наоборот, основное внимание уделяется группе наиболее бедных граждан Монголии — кочевых животноводах: предлагается вывод о том, что уровень жизни в Монголии, как минимум для сельской местности, имеет смысл измерять в головах скота, а не в доходах домохозяйства. Несмотря на интересные результаты в части измерения бедности кочевого населения страны, работа не объясняет причины географического распределения бедности.

В исследовании связи бедности и экономического роста [3] авторы эмпирически доказывают, что результатом бурного экономического роста стало снижение бедности и неравенства в стране. В то же время указывается на то, что эффект мог бы быть больше, если бы развитие шло не только за счёт экстенсивного использования природного потенциала, но и трансформации экономики. Одним из наиболее полных трудов по тематике причин бедности в Монголии является работа Ф.Пасторе [4], который систематизировал социально-экономические предпосылки бедности с точки зрения ловушки бедности и образования. В работе, тем не менее, не учтены культурно-исторические особенности Монголии и отсутствие роста спроса в стране на высококвалифицированные кадры. Аналогичные результаты при анализе социаль-

но-экономической системы страны получены и в другой работе [5], где констатируется необходимость смены современной экономической политики страны.

Наиболее интересные результаты получены в работах, связанных с попыткой оценки влияния природных факторов на уровень жизни в стране [6; 7] — авторы в явном виде указывают на то, что бедность в Монголии необходимо связывать с климатическими условиями, а не использовать подход к многомерной бедности или экономической связи между уровнем жизни и устойчивым экономическим ростом. Косвенно это доказано в работе, посвящённой влиянию пандемии COVID-19 на бедность в стране, в которой авторы доказывают, что такое влияние не прослеживается [8].

Методология исследования

В рамках данного исследования предлагается обратиться к классическому экономико-географическому анализу происхождения бедности. Для этого выделены следующие блоки потенциальных причин бедности и её сохранения в стране: природно-климатические, геоэкономические и социально-экономические. В каждом блоке факторов рассматриваются и выделяются наиболее значимые. Для природно-географических факторов необходимо проверить гипотезу об изолированности страны. Для этого используем теорему Кёнига, предполагающую, что все точки на плоскости могут быть связаны через другие точки или напрямую рёбрами графа. Соответственно, чем меньше рёбер у графа, исходящего из отдельной точки, тем центральнее положение точки по отношению к другим. В работе по трём видам транспорта (автомобильный, железнодорожный и авиационный) рассчитано, сколько точек связывает каждый из графов и сколько рёбер у этого графа, затем количество точек разделено на количество рёбер, таким образом получен индекс связанности. В рамках этой части исследования причин бедности объясняется её устойчивость к экономическим методам борьбы с ней.

Вторая часть исследования направлена на проверку связи бедности и внешних факторов — замкнутости страны между РФ и КНР. Проводится корреляционный анализ связи внешней торговли Монголии с РФ и КНР, на основании которого делаются выводы о внешних причинах генезиса бедности в стране. В случае выявления корреляции между бедностью и внешней торговлей, доказываем, что соседство с двумя сверхдержавами не позволяет Монголии в полной мере использовать преимущества глобальной мировой торговли для преодоления бедности.

Третий блок факторов — социально-экономический, он анализируется для выявления того, каковы причины внутренних диспропорций в уровне бедности в стране. Требуется выявить сходство распределения бедности с социальными или экономическими явлениями, чтобы доказать социально-экономический генезис сохранения бедности в Монголии.

Результаты

Монголию принято считать одним из «провалов» реализации ЦУР-1 из-за высокой активности международных организаций в стране, значимого объёма финансирования программ против бедности (664 млн долларов США только от Всемирного банка с 2018 по 2022 гг. включительно) и отсутствия явных результатов в борьбе с бедностью¹. На рис. 1 отражена динамика бедности населения в стране по национальной черте бедности в сравнении с ВВП страны. При росте ВВП бедность оставалась на одном уровне и даже немного росла, что опровергает теорию экономического роста как инструмента преодоления бедности. Дополнительным доказательством тому может быть тот факт, что Монголия относительно богата природными ресурсами и активно их экспортирует [9]. Однако, это слабо влияет на бедность — экономическое развитие в стране и бедность населения слабо связаны.

¹ The World Bank in Mongolia, 2024. — URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#3> (дата обращения: 17.08.2024).

Уместно было бы предположить, что в силу того, что основной приток капитала приходится на отдельные регионы страны, в частности, на столицу — Улан-Батор (финансовый центр страны), аймаки (регионы) Восточно-Гобийский и Южно-Гобийский, Дорнодский, Дарханский, Селенгинский — (индустриальные районы), то именно они могли бы стать наиболее благополучными с точки зрения бедности. Географическое распределение бедности в стране не отсле-

живалось с 2011 г., в связи с чем ориентироваться можно только на данные, представленные на рис. 2, которые опровергают возможность географического распределения бедности в стране в соответствии со структурой экономики аймаков. Так, Баян-Улгийский аймак отличается низким уровнем бедности, хотя в основе его экономики лежит животноводство, а Селенгинский и Дорнодский аймаки испытывают значительные проблемы с бедностью.

Рис. 1. Доля бедного населения в Монголии (%) и ВВП в постоянных ценах (тугрики)

Fig. 1. Share of poor population in Mongolia (%) and GDP in constant prices (tugriks)

Источник: Ядуурлын бүх хэлбэрийг эцэс болгох, 2022. — URL: <http://sdg.gov.mn/Goal/?id=1>; GDP (constant LCU), 2024. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KN> (дата обращения: 17.06.2024).

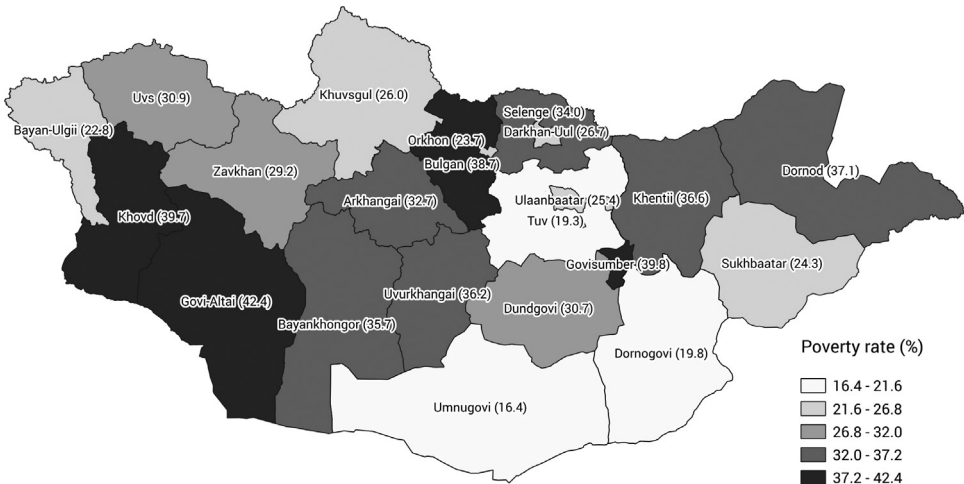

Рис. 2. Доля бедного населения по аймакам Монголии в 2011 г., %

Fig. 2. Percent of poor population by aimags of Mongolia in 2011, %

Источник: Ядуурлын бүх хэлбэрийг эцэс болгох, 2022. — URL: <http://sdg.gov.mn/Goal/?id=1> (дата обращения: 17.06.2024).

Выделить единую закономерность распределения бедности на территории страны на основании представленных данных невозможно, они не соотносятся ни с характером населения (сельское или городское), ни с их положением относительно РФ и КНР, ни с уровнем экономического развития и структурой экономики аймаков. Отметим, что даже для основных туристических центров страны — Центрального аймака, Восточно-Гобийского и Южно-Гобийского аймаков, а также Хубсгульского аймака [10] нет единой закономерности распределения бедности.

В этой связи уместно рассмотреть ряд других особенностей страны, которые позволяют более точно выделить причины распределения бедного населения именно выделенным образом. Прежде всего, обозначим ключевые климатические и географические ограничения для преодоления бедности. Традиционно к таким принято относить суровый климат и сложности с питьевой водой, малопригодную для земледелия почву и отсутствие выхода к морю [11]. Для Монголии характерно наличие всех названных причин. В дополнение к сказанному страна соседствует только с РФ и КНР, что значительно ограничивает как её экспортные возможности, так и логистику в целом,

в том числе и из-за заинтересованности обеих стран в получении влияния на Монголию [12].

Население страны по размеру сопоставимо даже с соседними регионами КНР и РФ, более того, около четверти населения проживает в столице Улан-Баторе и ещё около 20% в других крупных городах. Остальная часть населения либо занята сезонной работой, что предполагает смену места проживания в зависимости от сезона, либо занято в неформальном секторе экономики. На юге страны расположены пустынные и степные зоны с резко континентальным климатом, на севере — гористые территории. Эти местности сложны для освоения, то есть, даже от двух соседей страна отрезана географическими преградами (естественно, не полностью, например, часть территории, прилегающая к российской Республике Бурятия покрыта лесостепями и относительно невысокими горами). Обратимся к теореме Кенига, проиллюстрировав её на примере модальностей транспорта для Улан-Батора, и соседних территорий РФ и КНР — Улан-Удэ (столица Республики Бурятия) и Хух-Хото (столица китайского автономного района Внутренняя Монголия) (табл. 1).

Таблица 1

Связанность территорий и индекс связанности

Table 1

Connectivity of territories and the connectivity index

Вид транспорта	Улан-Батор	Улан-Удэ	Хух-Хото
Автомобильный	21 маршрут в Монголии и 1 — в Улан-Удэ	28 маршрутов по РФ и 3 — в Монголию	65 маршрутов по КНР
Железнодорожный	6 маршрутов в РФ, 2 — в КНР и 2 — по Монголии	10 маршрутов по РФ и 1 — в Монголию	26 маршрутов по КНР
Авиационный	15 международных маршрутов и 4 — по Монголии	14 по РФ и 1 — в Монголию	70 маршрутов по КНР, 1 — в Монголию
Индекс связанности			
Автомобильный	1,56	1,36	1,00
Железнодорожный	1,85	1,08	1,44
Авиационный	1,89	2,53	1,42

Источник: рассчитано авторами по открытым данным транспортных компаний Монголии, РФ и КНР.

Как показывает таблица, Монголия находится в «географическом тупике», пытаясь компенсировать это авиационным транспортом. Что же касается взаимосвязи бедности и географии, то, чем более изолирована страна от возможностей дешёвого экспорта товаров или услуг морским транспортом и импорта технологий, необходимых ей товаров для развития производственной базы, тем устойчивее в ней бедность [11]. Выявленный эффект обосновывает причину устойчивости бедности в стране, но не даёт ответа на её географическое распределение внутри страны.

Ранее уже говорилось о том, что можно предположить влияние на бедность насе-

ления международных факторов, в частности, зависимость от импорта товаров из РФ и КНР, необходимость балансирования между интересами РФ и КНР как в политическом, так и в экономическом смысле [13]. Соседство с РФ и КНР несколько ограничивает возможность ценового арбитража для монгольских экспортёров, однако, как РФ, так и КНР активно сотрудничают с Монголией в сфере образования, культуры и гуманитарных инициатив [14], формируя драйвер снижения бедности. Фактически можно заключить, что бедность и внешняя торговля страны никак не связаны (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционный анализ бедности, ВВП и внешней торговли Монголии

Table 2

Correlation analysis of poverty, GDP, and Mongolia's foreign trade

Корреляция внешней торговли	Экспорт в КНР	Импорт из КНР	Экспорт в РФ	Импорт из РФ	Сальдо с КНР	Сальдо с РФ
С бедностью населения	-0,021	0,033	-0,209	0,102	-0,021	-0,111
С ВВП Монголии	0,229	0,892	0,540	0,892	0,228	-0,898

Источник: рассчитано авторами по данным организации ООН по торговле и развитию (UNCTAD). — URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 17.08.2024).

Табл. 2 доказывает фактическое отсутствие какой-либо значимой схожести динамики бедности населения и внешней торговли, чего нельзя сказать про связь объёма ВВП и внешней торговли. Таким образом, доказав отсутствие явной связи экономического роста и бедности в стране в первой части исследования, можно констатировать, что никакого внешнего влияния с точки зрения взаимной торговли со стороны РФ и КНР на бедность в Монголии не прослеживается. При этом активная торговля и партнёрские отношения с соседями позволяют монгольской экономике развиваться, образуя внутренние ресурсы для преодоления бедности в стране.

Совершенно по-другому представляется восприятие самим монгольским обществом такого торгового сотрудничества — оно воспринимается во многом негативно, как

попытка навязать определённый путь развития (синоизация, апелляция к советскому прошлому). В основе восприятия помощи в преодолении бедности обществом Монголии лежит одновременно желание балансировать между соседями, получая от них максимум ресурсов, а с другой — желание проводить независимую от них политику [15]. При таком подходе международные инициативы в части борьбы с бедностью будут иметь ограниченную эффективность, как и эффекты сотрудничества с РФ и КНР.

От международных факторов обратимся к внутренним. В Монголии наблюдается высокий уровень инфляции, обесценивающий накопления населения². Это связано с тем, что ключевыми драйверами роста экономики остаются сырьевой сектор и сельское

² Инфляция в Монголии останется на уровне 8,7% в 2024 году. — URL: <https://asiarussia.ru/news/39013/> (дата обращения: 17.08.2024).

хозяйство, основная часть продукции которого потребляется внутри страны, в то время как ключевой продукцией на экспорт являются сырье и продукция лёгкой промышленности, то есть, продукция, конкуренция на мировых рынках которой высока и требует монетарной поддержки экспортёров. Нельзя также не отметить, что в период пандемии COVID-19 произошёл резкий спад экспорта и производства, что увеличило безработицу в стране в 2021 г. [16], хотя в дальнейшем наблюдался спад безработицы.

Отдельным вопросом является политика страны в отношении иностранного бизнеса — до сих пор сохраняется значительная доля предприятий, столкнувшихся с давлением со стороны властей и коррупцией³. С учётом сказанного, приток иностранных инвестиций в Монголию, несмотря на интерес инвесторов к её природным ресурсам, нестабильный. Это не позволяет в полной мере использовать природную ренту. Собственно, политика её использования хаотична — с 2000 г. безусловный базовый доход от использования природных ископаемых вводился 3 раза — в 2010, 2011–2012 и 2024 гг.,⁴ что, однако, не снизило бедность населения, но увеличило внешний долг страны и ускорило инфляционные процессы. Политика же в области бедности населения в Монголии остаётся размытой, без конкретных мер.

В целом для страны критичным стало падение драйверов роста (горнодобывающая промышленность, лёгкая промышленность) в условиях пандемии COVID-19. Рис. 1 показывает замедление экономического роста в период 2019–2022 гг., что наложилось на и без того проблемный экспорт минеральных ресурсов в 2019 году. Тем не менее, названные выше факторы инфляционного

давления, наличия рабочих мест и драйверов экономического роста не оказали критического влияния на бедность населения, скорее, снизили объём располагаемых Монголией ресурсов для проведения программ по её снижению. Гораздо более значимы социально-демографические факторы.

Проблема бедности в стране определяется тем, что демографическая модель предполагает активное воспроизводство населения, при этом скорость воспроизводства населения в сельских регионах и части населения, ведущей кочевой или маргинализированный образ жизни выше, чем в городах страны [17]. При этом политика поддержки этой части населения фактически отсутствует или же реализуется хаотично в силу того, что в рамках подходов к бедности по доходу или многомерной бедности эта часть населения в зависимости от сезона и климатических условий находится постоянно под угрозой крайней бедности, но обеспечить её социальными благами не представляется возможным в силу отсутствия постоянного места жительства.

Так, заболевания домашних животных наиболее сильно сказываются на тех монгольских хозяйствах, у которых нет возможности обратиться за ветеринарной помощью, то есть на кочевниках и некрупных хозяйствах, наиболее подверженных бедности. В целом же обратим внимание на то, что подход к многомерной бедности в части жилья, чистой воды, здравоохранения и других благ в Монголии неприменим, так как около четверти населения ведут кочевой образ жизни постоянно⁵ и ещё от 10 до 12% ведут кочевой образ жизни в зависимости от сезона⁶, то есть обеспечить около трети населения страны даже благами первой необходимости фактически невозможно. Общий паттерн внутренней миграции в Монголии обусловлен климатическим фактором (по-

³ Кража на триллионы тугриков: что вызвало массовые протесты в Монголии. — URL: <https://www.forbes.ru/society/482431-kraza-na-trilliony-tugrikov-cto-vyzvalo-massovye-protesty-v-mongolii> (дата обращения: 17.08.2024).

⁴ Каждый гражданин Монголии получит дивиденды как часть общего природного богатства страны. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/19864767>; Gentilini, U., Grosh, M., Rigolini, J., Yemtsov, R. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. — Washington, DC: World Bank, 2020. (дата обращения: 17.08.2024).

⁵ Counting the uncoun ted How the Mongolian nomadic survey is leaving no one behind. — URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/counting-uncoun ted-how-mongolian-nomadic-survey-leaving-no-one-behind> (дата обращения: 17.08.2024).

⁶ Mongolia case study — the evolving education needs and realities of nomads and pastoralists. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000266056> (дата обращения: 17.08.2024).

года), традиционным фактором (лунный календарь) и природным фактором (наличием пастбищ). Районы, пригодные только для кочевого животноводства, концентрируются в наибеднейших аймаках — Кобдо-ском, Дзабханском, Гоби-Алтайском, Хубсугульском, Хэнтэйском, Дорнодском и Сухэ-Баторском. Фактически, для 33–45% населения Монголии, ведущих кочевой образ жизни, характерна бедность. Крупнейшие промышленные центры страны отличаются низким уровнем бедности за исключением тех, в которых активно развивается кочевое животноводство, где уровень бедности остаётся высоким. В то же время, северные и восточные аймаки, в которых возможно оседлое земледелие, отличаются более низким уровнем бедности по сравнению с западными, южными и центральными, где основным занятием сельского населения остаётся кочевое животноводство.

Бедность в Монголии по своей сути остаётся явлением природно-географического характера, как было продемонстрировано выше. Развитие монгольской экономики имеет ограниченное влияние на бедность населения — она хотя и снижается, но незначительно. Совершенно по-другому оценивается географическое распределение бедности — оно определяется демографической моделью и кочевым образом жизни части населения, а также природными факторами. Попытка свести исследование бедности в Монголии к классическим подходам многомерной бедности, исторического наследия или же экономических факторов, её определяющих, не может принести результатов по той причине, что в стране наблюдается стратификация бедности (хотя общий уровень жизни и остаётся низким). Как показали результаты исследования, эта стратификация основана на разделении населения на оседлое и кочевое вдобавок к классическим различиям в городской и сельской бедности. Предложения по преодолению бедности, основанные по политическим и экономическим трансформациях [1], не будут иметь значимого эффекта в силу того, что они мало затронут ту часть общества, для которой бедность наиболее

часто встречается — население, ведущее кочевой образ жизни. В то же время, попытка его включения в программы для оседлого населения через создание условий для оседлого животноводства⁷ приведёт к тому, что монгольский сельскохозяйственный сектор будет фактически уничтожен. Аналогично, попытки создать драйвер снижения бедности «извне» не приведёт к серьёзным изменениям, так как экономическое благосостояние страны не коррелирует с бедностью, первое, безусловно, повысится, а вот бедность населения не будет иметь тренда к снижению. Тем не менее, отметим, что бедность в индустриальных и приграничных аймаках несколько уменьшится вследствие роста торговли с РФ и КНР и их инвестиций в Монголию.

Предложения по борьбе с бедностью в стране, основанные на универсальном базовом доходе⁸, могут иметь положительные эффекты, особенно при стабильной их реализации для оседлого населения и при условии реализации таких предложений с использованием специальных счетов, открытых на получателей в банках страны, и для кочевого населения. Выплата в неденежной форме или же наличным расчётом, наоборот, приведёт к росту коррупции. Возможным вариантом борьбы с бедностью является создание мобильных пунктов оказания социальных услуг по принципу «одного окна», однако это требует значительных затрат как на обеспечение связи, так и на логистику.

Совершенно отдельной темой является восприятие бедности в Монголии. С учётом образа жизни большей части населения, а также значительного влияния родственных связей на уровень жизни, бедность для населения страны представляется частью общественных отношений. Это подтверждается и географическим фактором бедности — в отсутствии реальных вариантов снижения бедности механизма-

⁷ Reducing poverty among nomads in Mongolia. — URL: <https://borgenproject.org/nomads-in-mongolia/> (дата обращения: 17.08.2024).

⁸ Resources-to-Cash: A Cautionary Tale from Mongolia. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2661202 (дата обращения: 17.08.2024).

ми государственного регулирования, наиболее эффективными остаются общественные механизмы. Они представлены традиционными отношениями (крупными общинами, выполняющими функции самоорганизации и экономические функции) [18], которые поддерживают уровень жизни своих членов на определённом, социально-обусловленном уровне. Такой тип отношений порождает восприятие бедности как общего явления для всех членов общины, и необходимость коллективной работы всей общины для её преодоления. Несмотря на постепенное проникновение информационных технологий в отдалённые регионы страны, сохранение общинного строя и традиционных ценностей не порождает социального напряжения вследствие бедности в монгольском обществе. Частично из-за этого, а также религиозных воззрений (буддизма) сегодня в стране не наблюдается яркого проявления негативных эффектов социального неравенства.

Выводы

Проблема бедности населения остаётся острой в Монголии, несмотря на усилия по снижению её уровня и смягчению последствий. На сегодняшний день важным является также вопрос восприятия бедности в самой Монголии. Проблема бедности обусловлена факторами природно-географического, социально-экономического и геоэкономического характера. «Географический тупик», а также сложные природно-климатические условия не позволяют сформировать новые модели роста экономики страны, тогда как

в связи с традиционным типом воспроизводства населения, значимой долей кочевого населения и эффектом ловушки бедности, попытки преодоления бедности через стимулирование экономического роста — бесперспективны.

Фактор влияния на экономику Монголии соседей (РФ и КНР) действует, но его роль в преодолении бедности населения преувеличена. В частности, никакой статистической взаимосвязи между взаимной торговлей с РФ, КНР и бедностью не прослеживается, тогда как попытки соседей содействовать преодолению бедности воспринимаются монгольским обществом негативно. Явным объяснением географического распределения бедности в Монголии является природный фактор — доступность пастбищ для населения, ведущего кочевой образ жизни. В отсутствии или ограниченном характере денежных доходов эта часть населения считается наиболее бедной, тогда как кочевой характер жизни не позволяет учитывать условия жизни кочевого населения корректно.

Политика по борьбе с бедностью населения в Монголии должна учитывать не только социально-экономические последствия, но и значимую роль культуры и общественных ценностей в жизни монголов. В этой связи сложно предсказать последствия применения рекомендаций Всемирного банка и экспертов других организаций в части смены социальной политики страны. Целесообразно использовать механизмы универсального базового дохода или экспериментальные способы повышения уровня жизни с учётом выявленной в исследовании специфики.

Литература и Интернет-источники

1. Poverty and the Transition to a Market Economy in Mongolia / ed. K. Griffin. — London : Palgrave Macmillan, 1995. — 182 p.
2. *Hufnagel, L.* Globalization and Sustainability — Ecological, Social and Cultural Perspectives / L. Hufnagel. — Rijeka : IntechOpen, 2024. — 502 p.
3. *Doojav, D. J.* Implications of Economic Growth, Poverty and Inequality in Mongolia over the Period of 2008–2012 / D. J. Doojav, A. E. Bayarjargal // The Northeast Asian Economic Review. — 2017. — No. 5. — P. 15–29.

4. **Pastore, F.** 'I Wish I Had 100 Dollars a Month ...' The Determinants of Poverty in Mongolia / F. Pastore // The European Journal of Development Research. — 2016. — No. 28. — P. 934–956.
5. **Авирмэд, Д.** Социальные условия регионального развития Монголии / Д. Авирмэд // iPolytech Journal. — 2014. — № 4. — С. 178–181.
6. **Осодоев, П. В.** Пространственная трансформация пастбищного животноводства Монголии в результате изменения продуктивности «Кормящего ландшафта» / П. В. Осодоев, А. С. Михеева, Д. А. Дарбалаева [и др.] // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2013. — № 1. — С. 124–128. EDN: RDFMNT
7. **Раднаев, Б. Л.** Оценка влияния процессов опустынивания на социально-экономическое положение населения Монголии по данным социологического опроса (на примере аймака Дархан-Уул) / Б. Л. Раднаев, А. С. Михеева, Э. Д. Санжеев [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. — 2011. — № 1. — С. 190–199. EDN: NUMWXT
8. **Imideeva, I. V.** Current state of migration processes in Mongolia during the COVID-19 pandemic / I. V. Imideeva, B. Nandintsetseg // Transbaikial State University Journal. — 2020. — No. 5. — P. 83–92. DOI: 10.21209 / 2227-9245-2020-26-5-83-92; EDN: LTEMJS
9. **Weiyue, Z.** Finding Paths out of Poverty for Mongolia / Z. Weiyue // Communications in Humanities Research. — 2024. — Vol. 30. — No. 1. — P. 129–132. DOI: 10.54254 / 2753-7064 / 30 / 20231664; EDN: YCCTNY
10. **Бямба, О.** Картографирование туризма в Монголии / О. Бямба, Е. Л. Касьянова // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2019. — Т. 1. — № 2. — С. 89–96. DOI: 10.33764 / 2618-981X-2019-1-2-89-96; EDN: ROZSHL
11. **Fuseini, M. N.** Poverty in the Global South: Does the Geographical Theory Offer Any New Insight to Understanding Penury? / M. N. Fuseini, E.-K. Francis, A. A. Ibrahim, S. Mohammed // Cogent Social Sciences. — 2024. — Vol. 10. — No. 1. — P. 1–20. DOI: 10.1080 / 23311886.2024.2321710; EDN: XONCRQ
12. **Дондоков, З. Б.-Д.** Экономический коридор Китай-Монголия-Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов / З. Б.-Д. Дондоков, В. Намжилова // ЭКО. — 2022. — Т. 52. — № 15. — С. 52–71. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2022-12-52-71; EDN: TLZXUE
13. **Макаров, А. В.** Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии / А. В. Макаров, Е. В. Макарова, А. Б. Андреев // ЭКО. — 2020. — № 10(556). — С. 34–49. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2020-10-34-49; EDN: GTEUAB
14. **Лун, Ч.** Экономический коридор Китай-Монголия-Россия: вопросы правового сотрудничества приграничных регионов / Ч. Лун // Россия и АТР. — 2018. — № 1. — С. 106–117. EDN: YWJFAF
15. **Якушев, С.** Монголия в современной системе международных отношений / С. Якушев // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 8. — С. 109–115. EDN: MTDCOT
16. **Григорьева, Ю. Г.** Монголия в условиях COVID-19: основные вызовы и меры социально-экономического реагирования / Ю. Г. Григорьева // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24. — № 1 — С. 85–98. DOI: 10.24866 / 1813-3274 / 2022-1 / 85-98; EDN: HNVFTI
17. **Бадарев, Д. Д.** Монгольский кейс демографического прироста населения / Д. Д. Бадарев // Власть. — 2023. — № 4. — С. 280–286. DOI: 10.31171 / vlast.v31i4.9757; EDN: OXYCDB
18. **Гомбожапов, А. Д.** Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей / А. Д. Гомбожапов // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 211–223. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2021-1-211-223; EDN: ZEMDAI

Сведения об авторах:

Бредихин Антон Викторович, к.ист.н., ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН; старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; РИНЦ SPIN-код: 2073–2737.

Аржаев Федор Игоревич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, РИНЦ SPIN-код: 3716–8510.

Селезнев Игорь Александрович, к.соц.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: igdrake@yandex.ru; РИНЦ SPIN-код: 4902–0364.

Мехдиев Эльнур Таджаддинович, к.ист.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e.mehdiev@gmail.com; РИНЦ SPIN-код: 4968–4639.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-83-95

THE ORIGIN OF POVERTY IN MONGOLIA TODAY: AN ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS

Anton V. Bredikhin^{1,2*}, Fedor I. Arzhaev³, Igor A. Seleznev⁴, Elnur T. Mekhdiev³

¹*Institute of China and Contemporary Asia RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Lomonosov Moscow State University
(1/33 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119234)*

³*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125468)*

⁴*ISPR FCTAS RAS
(6, kor.1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

**E-mail: bredikhin90@yandex.ru*

For citation:

Bredikhin A.V., Arzhaev F.I., Seleznev I.A., Mekhdiev E.T. The origin of poverty in Mongolia today: an economic and geographical analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-83-95 (in Russ.)

Abstract. Poverty in Mongolia remains a pressing concern, as it not only affects trade relations with neighboring countries but also has implications for stability within the country. Therefore, understanding the reasons for poverty's resistance to efforts to eradicate it and identifying its underlying causes is crucial. The goal of the study is to identify causes for the persistence of poverty and its geographic distribution. Through this research, three groups of factors were identified that contribute to the persistence of poverty: environmental and climatic, geo-economic, and socio-cultural. For each group of factors, there were obtained results justifying the persistence of poverty. Thus, it has been proven that Mongolia is in a geographical dead end (being far from the Coast of the World Ocean and sandwiched between the Russian Federation and the People's Republic of China), while the nature climatic features of its territory dictate nomadic lifestyle and specific agricultural practices (pasture husbandry), which in turn explain the distribution of poverty across aimags (regions of Mongolia). Trade cooperation with the Russian Federation and the People's Republic of China

influences Mongolia's economy and stimulates its development, although it has no direct impact on poverty dynamics. Key economic problems explain the weak correlation between the economic development and poverty, emphasizing socio-cultural factors as the most significant contributors to poverty persistence.

Keywords: poverty, Mongolia, causes of poverty, natural and climatic conditions, geo-economic factors, socio-economic development.

References and Internet sources

1. *Poverty and the Transition to a Market Economy in Mongolia*. Ed. K. Griffin. London. Palgrave Macmillan. 1995. 182 p.
2. Hufnagel L. *Globalization and Sustainability – Ecological, Social and Cultural Perspectives*. IntechOpen. 2024. 502 p.
3. Doojav D. J., Bayarjargal A. E. Implications of economic growth, poverty and inequality in Mongolia over the period of 2008–2012. *The Northeast Asian Economic Review*. 2017. No. 5. P. 15–29.
4. Pastore F. 'I wish I had 100 Dollars a month ...' The determinants of poverty in Mongolia. *The European Journal of Development Research*. 2016. No. 28. P. 934–956.
5. Avirmed D. Sotsial'nyye usloviya regional'nogo razvitiya Mongolii [Social conditions for regional development of Mongolia]. *iPolytech Journal*. 2014. No. 4. P. 178–181 (in Russ.)
6. Osodoev P. V., Mikheeva A. S., Darbalaeva D. A., et al. Prostranstvennaya transformatsiya pastbishchnogo zhivotnovodstva Mongolii v rezul'tate izmeneniya produktivnosti «Kormyashchego landshafta» [Spatial transformation of grazing in Mongolia as a result of «feeding» landscape productiveness changes]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova [Vestnik of North-Eastern Federal University]*. 2013. No. 1. P. 124–128. (in Russ.)
7. Radnaev B. L., Mikheeva A. S., Sanzheev R. D., et al. Otsenka vliyaniya protsessov opustynivaniya na sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye naseleniya Mongolii po dannym sotsiologicheskogo oprosa (na primere aymaka Darkhan-Uul) [Estimation of influence of processes of desertification on economic and social situation of the population of Mongolia (on the example of aimag Darhan-Uul)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Earth Sciences]*. 2011. No. 1. P. 190–199. (in Russ.)
8. Imideeva I. V., Nandintsetseg B. Current state of migration processes in Mongolia during the COVID-19 pandemic. *Transbaikal State University Journal*. 2020. No. 5. P. 83–92. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-5-83-92
9. Weiyue Z. Finding paths out of poverty for Mongolia. *Communications in Humanities Research*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 129–132. DOI: 10.54254/2753-7064/30/20231664
10. Byamba O., Kasyanova E. L. Kartografirovaniye turizma v Mongolii [Mapping of tourism in Mongolia]. *Interesko Geo-Sibir' [Interexpo GEO-Siberia]*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 89–96. DOI: 10.33764/2618-981X-2019-1-2-89-96 (in Russ.)
11. Fuseini M. N., Enu-Kwesi F., Abdulai I., Sulemana M. Poverty in the global South: Does the geographical theory offer any new insight to understanding penury? *Cogent Social Sciences*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.1080/23311886.2024.2321710
12. Dondokov Z. D., Namzhilova V. O. Ekonomicheskii koridor Kitay – Mongoliya – Rossiya: vystraivaniye infrastrukturoy svyazannosti v usloviyakh global'nykh vyzovov [China-Mongolia-Russia corridor: building infrastructure connectivity in the face of global challenges]. *EKO [ECO]*. 2022. Vol. 52. No. 15. P. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71 (in Russ.)
13. Makarov A. V., Makarova E. V., Andreev A. B. Mongol'skiy koridor: problemy i perspektivy razvitiya tranzitno-transportnoy seti Mongolii [The Mongolian corridor: problems and prospects of Mongolian transport network development]. *EKO [ECO]*. 2020. No. 10(556). P. 34–49. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-10-34-49 (in Russ.)
14. Lun Ch. Ekonomicheskii koridor Kitay – Mongoliya – Rossiya: voprosy pravovogo sotrudnichestva prigranichnykh regionov [Economic corridor China-Mongolia-Russia: issues of legal cooperation of border regions]. *Rossiia i ATR [Russia and Asia-Pacific Region]*. 2018. No. 1. P. 106–117. (in Russ.)

15. Yakushev S. Mongolia v sovremennoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [Mongolia in modern system of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2010. No. 8. P. 109–115. (in Russ.)
16. Grigoreva Yu. G. Mongolia v usloviyakh COVID-19: osnovnyye vyzovy i mery sotsial'no-ekonomicheskogo reagirovaniya [Mongolia under COVID-19: key challenges and socio-economic response]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Pacific Rim: Economics, Politics, Law]. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 85–98. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/85-98 (in Russ.)
17. Badaraev D. D. Mongol'skiy keys demograficheskogo prirosta naseleniya [Mongolian case of demographic population growth]. *Vlast'* [Authority]. 2023. No. 4. P. 280–286. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9757 (in Russ.)
18. Gombozhapov A. D. Sotsial'naya organizatsiya obshchiny kochevnikov Mongolii v 21 veke: rol' rodstvennykh svyazey [Social organization of the Mongolian nomad community in XXI century: Role family ties]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2021. No. 1. P. 211–223. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223 (in Russ.)

Information about the authors:

Bredikhin Anton Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS; Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; Elibrary SPIN-code: 2073–2737.

Arzhaev Fedor Igorevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, Elibrary SPIN-code: 3716–8510.

Seleznev Igor Aleksandrovich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: igdrake@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 4902–0364.

Mekhdiev Elnur Tadzhammadovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e.mekhdiev@gmail.com; Elibrary SPIN-code: 4968–4639.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.